

«СИМВОЛИЧЕСКИЕ» ЗАХОРОНЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА¹

Н.Н. Серегин

Представлен опыт обобщения сведений о «символических» захоронениях раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона. Подробно рассмотрена традиция сооружения кенотафов, определены варианты таких объектов. К особым видам «символических» захоронений отнесены «ритуальные» курганы, основной характеристикой которых являлось возведение обычной насыпи при отсутствии под ней погребальной камеры, а также некоторые каменные оградки. Концентрация этих объектов на ранних этапах развития тюркской культуры отражает процесс формирования традиций погребально-поминальной обрядности кочевников во второй половине V — VI в. н.э.

Раннесредневековые тюрки, Алтае-Саянский регион, «символические» захоронения, кенотафы, «ритуальные» курганы, оградки.

Введение

Комплекс ритуальных действий древних и средневековых обществ характеризуется сложностью, многоэлементностью и полисемантической. Помимо объектов, связанных с реализацией только погребальной или поминальной практики, известны памятники, характер которых сложно определить однозначно. Нередко такие комплексы обозначаются как «символические» захоронения. Однако данный термин носит весьма широкий характер и может быть использован для характеристики совершенно различных по семантике и функциям памятников. Между тем распространение каждого из видов объектов демонстрирует существование особых традиций, связанных с комплексом представлений конкретной группы населения. Поэтому интерпретация «символических» захоронений требует детального анализа всех имеющихся археологических материалов с привлечением дополнительных источников (письменных, этнографических и др.).

Одной из территорий, на которых получил распространение обычай совершения «символических» захоронений, является Алтае-Саянское нагорье. Традиция сооружения кенотафов населением данной историко-культурной области достоверно фиксируется начиная со скифосакского периода [Грач, 1980, с. 77; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 266] и существует вплоть до этнографического времени [Тоцакова, 1978, с. 135]. Пожалуй, наиболее вариабельны «символические» захоронения Алтае-Саянского региона раннего средневековья. Во второй половине I тыс. н.э. кочевниками сооружались разнообразные объекты, в значительной степени связанные с погребальной обрядностью, но отличавшиеся по ряду показателей, главный из которых — отсутствие умершего человека. В последние годы автором данной статьи неоднократно, в том числе совместно с коллегами, предпринимался опыт анализа и интерпретации кенотафов, «ритуальных» курганов, «самостоятельных» захоронений лошадей, а также специфических каменных оградок раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона [Серегин, 2008, 2010а; Дашковский, Серегин, 2008; Тишкин, Серегин, 2013; и др.]. Все перечисленные объекты в той или иной степени демонстрируют различные варианты традиции сооружения «символических» захоронений, что определило необходимость обобщения полученных сведений.

Изучение традиций сооружения «символических» захоронений раннесредневековыми тюрками Алтае-Саянского региона основывалось на детальном анализе материалов раскопок памятников кочевников. Привлекались главным образом погребальные комплексы, а также каменные оградки, интерпретация которых как исключительно «поминальных» объектов не представляется однозначной. Кроме того, круг затрагиваемых вопросов и решаемые проблемы интерпретации «символических» захоронений потребовали привлечения археологических материалов, полученных в ходе полевых работ на сопредельных территориях.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Варианты сооружения кенотафов

Наиболее распространенным видом «символических» захоронений во второй половине I тыс. н.э. являлись кенотафы. Анализ материалов раскопок археологических комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона позволил выделить 25 объектов, демонстрирующих различные традиции совершения «пустых» погребений. Зафиксированные характеристики комплексов демонстрируют существование нескольких вариантов кенотафов.

Самый распространенный вариант рассматриваемых захоронений — **«классические» кенотафы**. Такие объекты характеризуются соблюдением всех основных норм погребальной практики, присущих конкретной общности, при отсутствии самого умершего (рис. 1). К «классическим» кенотафам отнесено 22 объекта, исследованных на территории Алтая и Тувы [Грач, 1960а, с. 137, 141, рис. 83; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VIII–X; Кубарев Г.В., 2005, табл. 71, 109; и др.]. Они составляют большую часть «пустых могил» и около 7 % от общего количества известных погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона.

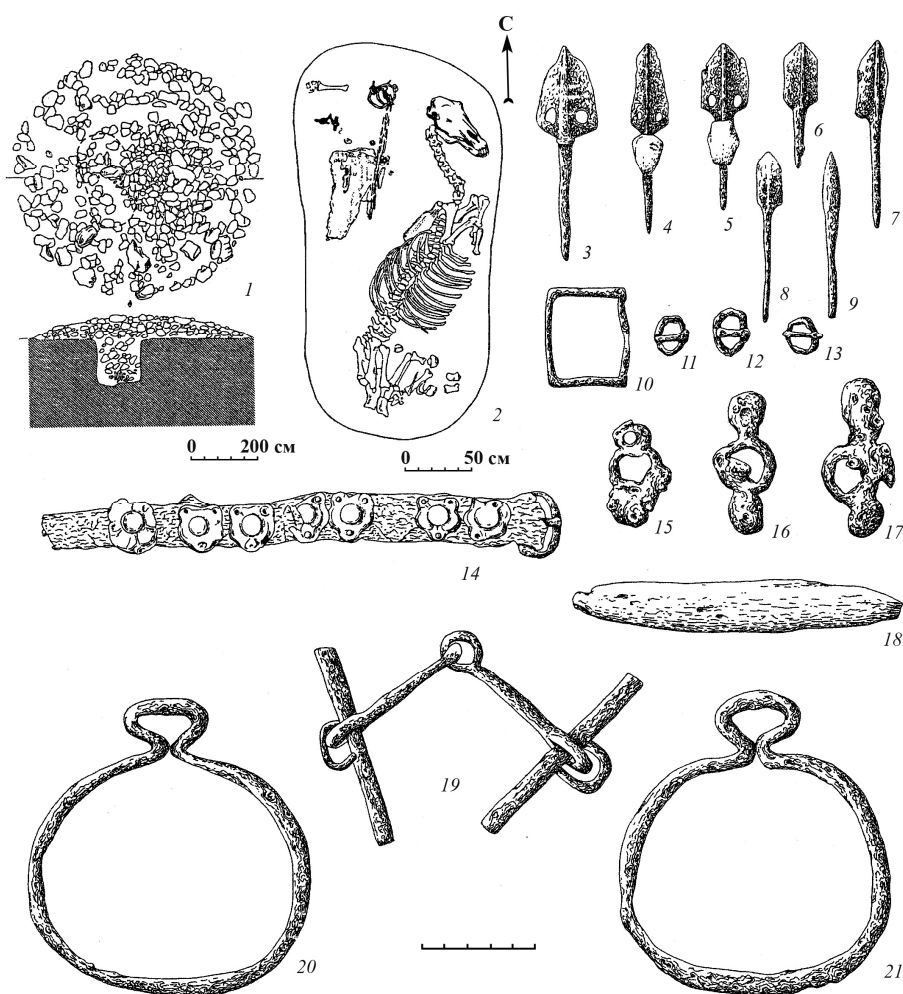

Рис. 1. «Классический» кенотаф. Мойгун-Тайга-58-V:
1 — план насыпи; 2 — план могилы; 3–21 — предметный комплекс (по: [Kenk, 1982, Abb. 16]).

В ходе раскопок «классических» кенотафов раннесредневековых тюрок зафиксирована наибольшая степень схожести со «стандартными» погребениями. Главным образом это относится к структуре наземных и подкурганых конструкций. В восьми случаях сопроводительное захоронение животного, помещенное в кенотаф, отделено от места предполагаемого погребения человека грунтовой, каменной перегородкой или рядом кольев. Погребальная камера в виде каменного ящика для отсутствовавшего покойного зафиксирована лишь однажды [Кубарев В.Д., 1985,

«Символические» захоронения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона

рис. 7]. Сопроводительное захоронение животного находилось почти во всех «классических» кенотафах. Чаще всего это одна лошадь, дважды отмечена пара животных и лишь однажды — три. В одном случае вместо лошади была положена овца [Бородаев, Мамадаков, 1985, рис. 13]. Ориентировка сопроводительных захоронений животных в целом стандартна. Наиболее распространенным является западное направление, однако присутствует также северная ориентировка.

В рамках группы «классических» кенотафов наблюдаются вариации некоторых признаков. В частности, при изучении «пустых могил» на памятниках Барбургазы I и Монгун-Тайга на месте предполагаемого погребения человека зафиксировано изделие, напоминающее куклу [Грач, 1960а, с. 137, 141, рис. 83; Кубарев Г.В., 2005, с. 19] (рис. 1, 2). Подобная традиция встречена при исследовании раннесредневековых некрополей и на других территориях [Грязнов, 1982, с. 98]. Не исключено, что редкость обозначенных находок в кенотафах тюрков Алтае-Саянского региона объясняется плохой сохранностью органических материалов, из которых могла быть изготовлена кукла.

Второй вариант — **«парные» кенотафы**. Специфика объектов заключается в том, что «пустая могила» предназначалась для двух мужчин-воинов. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, наличие двух лошадей, а также другие элементы ритуала. «Парные» кенотафы встречены при исследовании двух памятников раннесредневековых тюрков на Алтае [Гаврилова, 1965, с. 27, табл. XXIII, XXIV; Савинов, 1982, рис. 2, 5]. Интересной особенностью указанных объектов является разное социальное положение предполагаемых погребенных. Наиболее ярко эта черта прослеживается в составе сопроводительного инвентаря из кургана № 2 могильника Узунтал I, анализ которого позволил Д.Г. Савинову [1982, с. 120] предположить, что кенотаф был сооружен в честь знатного воина, принадлежавшего к дружинной аристократии, и его спутника.

Третий вариант — **кенотаф с зависимым захоронением**. Его отличительной особенностью является наличие так называемого подчиненного погребения наряду с отсутствием основного, принадлежавшего человеку, имевшему при жизни более высокий социальный статус. Памятник с таким набором признаков исследован вместе с другими кенотафами на могильнике Боротал I на Алтае [Кубарев В.Д., 1985, рис. 4] (рис. 2). Основаниями для отнесения умершего к зависимым слоям населения можно считать его нестандартное положение и ориентировку, а также отсутствие инвентаря [Кубарев Г.В., 2005, с. 17]. Подобный ритуал отмечен и при изучении «стандартного» погребения тюркской культуры на могильнике Курай IV [Киселев, 1951, с. 535]. Отметим, что схожие признаки выделены В.А. Ильинской [1966, с. 166–171] для захоронений «рабов» в скифских курганах.

Рассматривая традицию сооружения кенотафов раннесредневековыми тюрками, необходимо кратко остановиться на проблеме их сравнения с отдельными захоронениями лошадей. Такие объекты известны в основном по материалам раскопок на территории Алтая [Гаврилова, 1965, табл. VII, IX, А; Могильников, 1994, с. 105–106, рис. 23–28; Савинов, 1994, с. 91–92, рис. 112–117; Илюшин, 1995, с. 122, рис. 1, А, Б, 1–3; и др.]. Кенотафы и отдельные захоронения лошадей нередко путают, что объясняется главным образом неразработанностью дифференцирующих признаков таких объектов [Савинов, 1994, с. 151]. При этом основные показатели, характерные для «самостоятельных» захоронений животных, обозначены специалистами. Прежде всего, это отсутствие сопроводительного инвентаря для человека [Нестеров, 1990, с. 80] и места для его погребения [Кубарев Г.В., 2005, с. 20]. На наш взгляд, можно выделить и некоторые другие признаки, отличавшие кенотафы от захоронений лошадей: 1) внутримогильное сооружение, отделявшее лошадь от места предполагаемого погребения человека (каменные плиты, «перемычка» из слоя нетронутого материка и др.); 2) погребальная камера, предназначенная для помещения в нее умершего человека (сруб, каменный ящик).

Археологические памятники раннесредневековых тюрков демонстрируют высокий уровень социальной дифференциации в обществе номадов [Серегин, 2013]. Она нашла отражение и в материалах кенотафов. К признакам, показывающим различный прижизненный статус предполагаемых погребенных, относятся такие элементы обряда, как количество лошадей, наличие зависимого захоронения человека, размеры наземных и внутримогильных конструкций и т.д. Основным показателем является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Помимо достаточно редких предметов вооружения и воинского снаряжения (фрагменты доспеха, копья), в «пустых могилах» фиксируются также детали одежды и бытовые изделия, зачастую выделяющие кенотафы среди других памятников некрополя [Грач, 1960а, с. 129–143; Савинов, 1982, рис. 6–7; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117]. С другой стороны, в ряде случаев

при исследовании таких объектов отмечен весьма ограниченный набор вещей. Обозначенные характеристики подтверждают, что за умершим человеком, в честь которого сооружался кенотаф, сохранялись прижизненный социальный статус и имущественное положение [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 270].

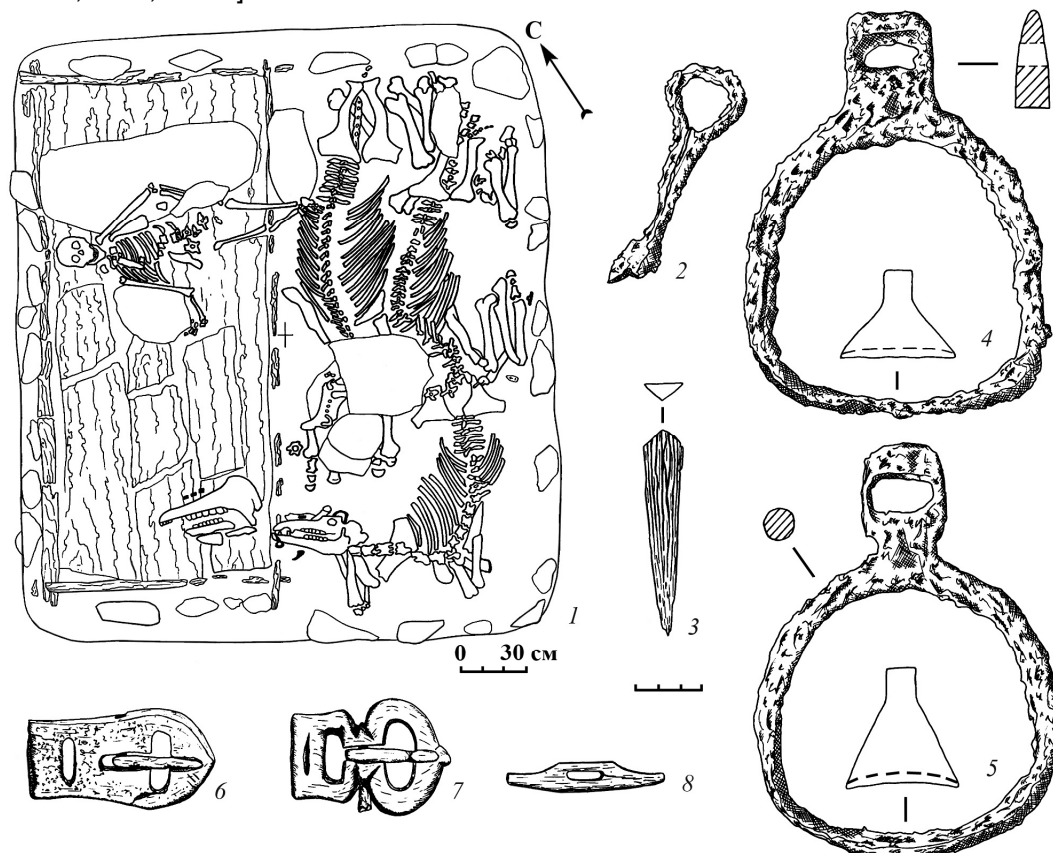

Рис. 2. Кенотаф с сопроводительным захоронением Боротал I, курган № 50:
1 — план могилы; 2–8 — предметный комплекс (по: [Кубарев Г.В., 2005, табл. 107, 108]).

Традиция сооружения кенотафов раннесредневековыми тюрками Алтае-Саянского региона существовала на протяжении довольно длительного промежутка времени. Такие объекты появляются уже на раннем этапе развития культуры кочевников [Савинов, 1982, рис. 2, 6; 3]. Однако большая часть кенотафов относится ко второй половине VII — VIII в. н.э. Вероятно, их распространение связано с частым ведением военных действий в Центральной Азии в указанный период [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 118]. Косвенно это подтверждается тем, что большинство кенотафов содержало сопроводительный инвентарь, предназначавшийся для мужчины-воина. Почти полное отсутствие «пустых» могил на начальных этапах развития культуры раннесредневековых тюрков может объясняться наличием других традиций, в том числе связанных с сооружением «ритуальных» курганов и оградок. Возможности интерпретации таких объектов рассмотрены далее.

«Ритуальные» курганы

Особую группу памятников раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона представляют «ритуальные» курганы. Именно так, на наш взгляд, предпочтительно называть объекты, основной характеристикой которых является наличие курганной насыпи при отсутствии под ней погребальной камеры.² При изучении «ритуальных» курганов основные задачи следующие: 1) выделение при-

² Варианты обозначения подобных комплексов достаточно многочисленны. Они определяются исследователями как курганы культового и специального назначения, «ложные» курганы, ритуальные курганы, кенотафы, поминальные кенотафы (см. обзор: [Серегин, 2010а, с. 78–79]).

«Символические» захоронения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона

знаков для уточнения хронологической и культурной принадлежности объектов; 2) интерпретация и определение функций таких памятников, что будет способствовать также их более точному терминологическому обозначению.

Анализ археологических комплексов раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона при учете результатов исследований памятников более раннего времени на обозначенной территории позволяет выделить признаки, на основе которых возможна хронологическая и культурная атрибуция «ритуальных» курганов: 1) особенности планиграфии объектов; 2) структура и размеры курганной насыпи; 3) предметы, в ряде случаев обнаруживаемые под наземной конструкцией.

Представим более подробно основные характеристики «ритуальных» курганов раннесредневековых тюрок. Чаще всего рассматриваемые объекты расположены в одной группе с погребальными или «поминальными» комплексами рассматриваемой общности. Такая ситуация зафиксирована на ряде памятников Алтая и Тувы [Грач, 1960а, б; Бородовский, 1994; Мамадаков, Горбунов, 1997; и др.]. Характерной является идентичность не только размеров, но и структуры курганной насыпи. В данном случае имеется в виду, например, наличие такой же крепиды, что зафиксирована при изучении «стандартных» объектов на некрополе [Бородовский, 1994, рис. 3; Цзэвдорж и др., 2008, рис. 9, 10]. Своеобразная ситуация отмечена на могильнике Белый Яр II [Поселянин и др., 1999, с. 93] в Минусинской котловине. Под насыпью одного из курганов комплекса, помимо обычных погребений, зафиксированы две выкладки, под которыми отсутствовали какие-либо конструкции.

Наиболее точная атрибуция «ритуальных» курганов возможна в случае обнаружения предметов под насыпью. Такая ситуация зафиксирована в ходе раскопок объектов раннего средневековья на памятниках Кок-Паш, Усть-Карасу, Катанда III [Илюшин, 1990, рис. 1; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. VI, 24, 25; Бобров и др., 2003, рис. 55, 7, 8] на Алтае и Хар-Ямаатын-Гол [Цзэвдорж и др., 2008] в Монголии. В трех случаях найдены предметы конского снаряжения, также обнаружены санцирные пластины, перстень и часть керамического сосуда.

Наибольшую сложность представляет вопрос, связанный с определением функций «ритуальных» курганов. Нет сомнений, что такие объекты сооружались не случайно. Объем трудозатрат на их возведение был таким же, как и для обычных памятников, за исключением отсутствия внутримогильных конструкций. Сомнения вызывает предположение, что «ритуальные» курганы сооружались для маскировки «стандартных» погребений и дезориентации возможных грабителей [Грач, 1960б, с. 65].

Наиболее обоснованный вариант интерпретации традиции сооружения «ритуальных» курганов предложен исследователями, которые обозначают подобные объекты как «поминальные» кенотафы [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 267]. Однако в этом случае остается не совсем понятным соотношение «ритуальных» курганов с «классическими» кенотафами раннесредневековых тюрок. К примеру, известны случаи, когда «ритуальные» курганы были сооружены рядом с «пустыми» могилами и установлена их синхронность [Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 1].

Следует отметить, что в тех случаях, когда в ходе раскопок «ритуальных» курганов зафиксированы датирующие предметы, объекты относятся к начальным этапам развития тюркской культуры — второй половине V — VI в. Безусловно, данное обстоятельство не является основанием для утверждения о принадлежности к этому времени и всех остальных подобных комплексов. Вместе с тем не исключено, что традиция возведения «ритуальных» курганов на ранних этапах тюркской культуры была связана с представлениями, позже нашедшими отражение в сооружении «классических» кенотафов.

Тюркские оградки как особая форма кенотафов

В последнее десятилетие в работах многих исследователей фигурирует тезис, что каменные оградки раннесредневековых тюрок не представляется возможным рассматривать исключительно как поминальные объекты [Кубарев В.Д., 2001, с. 42; Кубарев Г.В., 2007, с. 50; Суразаков и др., 2008, с. 80–86; Серегин, 2010б, с. 203; и др.]. В связи с тем что предположение о погребальном характере таких комплексов не находит объективного подтверждения в материалах раскопок, одним из вариантов интерпретации является их рассмотрение как своего рода кенотафов.

Впервые подобная трактовка «поминальных» объектов была предложена В.А. Могильниковым [1992, с. 185–186]. Археолог обратил внимание, что такие характеристики оградки № 109 памятника Кара-Коба I, как захоронение лошади, отделенное каменной перегородкой, и находившаяся рядом деревянная колода имеют аналогии в погребальном обряде раннесредневеко-

вых тюрок. В связи с этим исследователь предположил, что раскопанный объект можно рассматривать как кенотаф, отметив в то же время поминальный характер большинства других оградок. По мнению В.А. Могильникова [1992, с. 192], есть также некоторые основания для отнесения к «пустым» могилам сооружения, исследованного В.Д. Кубаревым в урочище Ян-Гобо (рис. 3). Анализ материалов раскопок археологических памятников раннесредневековых тюрок позволяет утверждать, что по ряду показательных признаков каменные оградки могут быть сопоставлены с кенотафами [Тишкин, Серегин, 2013]. Суммируем основные доводы в пользу данной точки зрения.

Одной из отличительных характеристик каменных оградок раннего этапа тюркской культуры является наличие небольших каменных ящичков, в которых нередко находились предметы вооружения и снаряжения верховой лошади [Гаврилова, 1965, табл. III–V; Могильников, 1992, рис. 10, 11; Мамадаков, 1994, рис. 2, 7–12; Илюшин, 2000, рис. I, II; и др.]. Весьма вероятным представляется предположение, что такие конструкции в раннетюркских оградках отражают преемственность с традициями погребально-поминальной обрядности населения Алтая предшествующего периода, демонстрируя схожесть по ряду показателей с устройством «миниатюрных» кенотафов булан-кобинской культуры [Матренин, Сарафанов, 2006, с. 210]. В свою очередь, обряд захоронения лошадей в округлых оградках, получивший распространение у кочевников региона во второй половине V — первой половине VI в., близок традициям конских захоронений в «ритуальных» курганах «булан-кобинцев» [Матренин, Шелепова, 2007, с. 85]. Данные факты указывают на возможность, что в материалах оградок, относящихся к ранним этапам развития тюркской культуры, получили отражение обычаи, связанные с сооружением кенотафов населением Алтая предшествующего периода.

Важным элементом «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок были сооружения, находящиеся рядом с оградками: изваяния, стелы, балбалы, каменные кольца, пристройки и др. Исследование погребальных комплексов показывает, что такие сооружения фиксируются в ряду с курганами тюркской культуры [Серегин, 2010б]. «Околокурганные» объекты в большинстве случаев расположены с восточной стороны от основного объекта (в данном случае кургана), что характерно и для оградок. Важно отметить, что нередко «околокурганные» сооружения обнаружены рядом с кенотафами, захоронениями лошадей и «ритуальными» курганами — памятниками, которые не относятся к «стандартным» погребениям. Возможно, именно этим объясняется сходство в организации сакрального пространства таких комплексов и каменных оградок.

Отдельного рассмотрения заслуживает традиция сооружения смежных оградок. Не исключено, что в ряде случаев они представляют собой единый комплекс. К примеру, характерная ситуация зафиксирована в ходе раскопок памятника Мендур-Соккон I на Алтае [Соенов, Эбель, 1997, рис. 1, 2]. В одной из смежных оградок комплекса исследовано захоронение лошади, а во второй — миниатюрный каменный ящик, содержащий предметы вооружения. В данном случае наблюдаются некоторые параллели с погребениями и кенотафами кимакской культуры. Их специфика заключается в том, что сопроводительное захоронение животного совершалось в отдельной яме, но под одной подпрямоугольной насыпью-оградой с могилой, содержащей инвентарь мужчины-воина [Ткачев, Ткачева, 1999, с. 142–144].

Характерной чертой, которая некоторым образом объединяет каменные оградки раннесредневековых тюрок с кенотафами, а также, в меньшей степени, с «ритуальными» курганами, является преимущественное обнаружение при исследовании этих объектов частей доспеха. Панцирные пластины и фрагменты кольчуги весьма редко встречаются в погребениях тюрок. Остатки защитного вооружения зафиксированы лишь однажды при раскопках «элитного» захоронения [Кубарев Г.В., 2005, табл. 132, 133]. Кроме единичной находки на поселении, все остальные части доспеха обнаружены в кенотафах, оградках и «ритуальных» курганах (см. обзор: [Тишкин, Серегин, 2013, с. 78]). Не исключено, что защитное вооружение в данном случае являлось своего рода символической «заменой» отсутствовавшего умершего человека. Похожая тенденция, хоть и не столь последовательно, прослеживается и в распространении другого предмета вооружения — наконечников копий. Такие находки, крайне редкие в погребениях раннесредневековых тюрок, неоднократно зафиксированы при исследовании кенотафов [Кубарев Г.В., 2005, табл. 73, 10; 145, 1] и, особенно, каменных оградок на различных территориях [Соенов, Эбель, 1996, рис. 3, 2; Загородний, Григорьев, 1998, рис. 3, 22; Досымбаева, 2006, рис. 8, 4; и др.]. Весьма своеобразная ситуация наблюдалась в ходе исследования центральной оградки комплекса Жайсан-1, где вотивная модель копья была изготовлена из панцирной пластины [До-

«Символические» захоронения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона

сымбаева, 2006, фото 9]. Нельзя исключать, что определенные отголоски данной традиции отмечены в этнографических сведениях о погребально-поминальном обряде киргизов и казахов, у которых копьё, наряду с лошадей и одеждой, выполняло роль временного «заместителя» умершего человека [Фиельструп, 2002, с. 134, 166–167, 178–179].

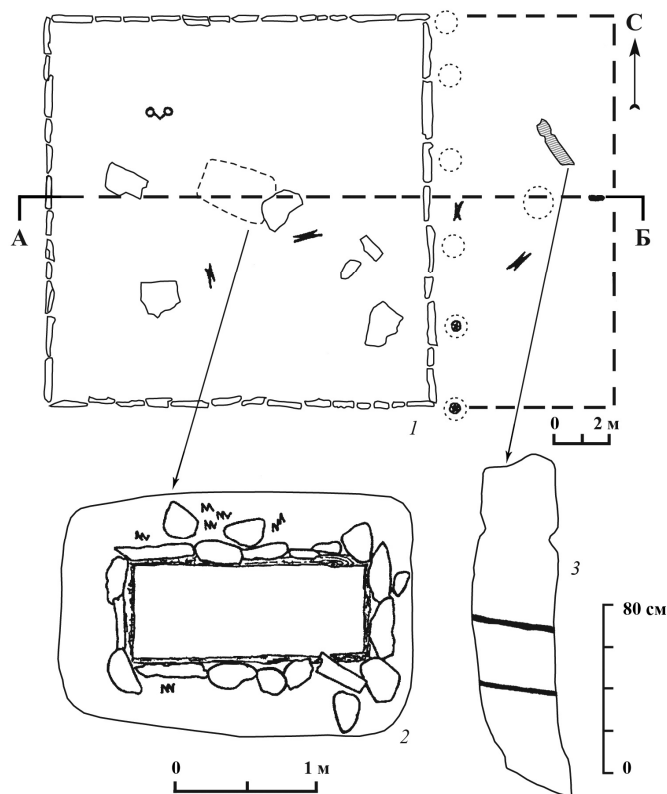

Рис. 3. Оградка в местности Ян-Гобо:

1 — план оградки; 2 — сооружение в центре оградки в виде сруба, обложенного камнями; 3 — каменное изваяние (по: [Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX]).

Итак, изучение каменных оградок и кенотафов раннесредневековых тюрок демонстрирует сходство по целому ряду показателей. Особое внимание привлекают отдельные «поминальные» комплексы, наиболее полно соответствующие «пустым» могилам по характерным конструкциям, в том числе связанным с оформлением захоронения лошади, и составу сопроводительного инвентаря [Кубарев В.Д., 1984, табл. XXXIX; Могильников, 1992, с. 184–185, рис. 13, 14; Соенов, Эбель, 1996; 1997, рис. I–IV; и др.] (рис. 3). Существенным фактором является принадлежность большинства таких объектов к ранним этапам развития тюркской культуры (вторая половина V — первая половина VII в.). Интересно, что к этому же времени относится ряд достоверно датированных «ритуальных» курганов рассматриваемой общности [Илюшин, 1990, рис. 1; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. VI, 24, 25; Бобров и др., 2003, рис. 53, 14–21; 55, 7, 8]. Вероятно, концентрация подобных комплексов на начальных этапах культуры раннесредневековых тюрок отражает период формирования традиций и канонов погребально-поминальной обрядности кочевников. Поэтому не исключено, что в более позднее время функции оградок и соответственно представления, связанные с их созданием, могли трансформироваться.

Заключение

Исследование особенностей погребально-поминальной обрядности кочевников Алтае-Саянского региона второй половины I тыс. н.э. продемонстрировало существование у раннесредневековых тюрок устойчивой и разнообразной традиции сооружения «символических» захоронений. Наиболее распространенным видом таких объектов были кенотафы, вариативность которых дает основания для выделения нескольких видов «пустых» могил. Кроме того, к

«символическим» захоронениям по ряду показателей относятся «ритуальные» курганы, основной характеристикой которых являлось сооружение обычной курганной насыпи при отсутствии под ней погребальной камеры. Вероятно, особым видом кенотафов на начальных этапах развития тюркской культуры были каменные оградки. На это указывает совокупность показателей, характерных для отдельных объектов (захоронение лошади, каменный ящичек с инвентарем для человека и другие сооружения, характерный набор предметов и др.). Концентрация «ритуальных» курганов и каменных оградок, напоминающих кенотафы, на ранних этапах развития тюркской культуры, редкость «классических» кенотафов в тот период, а также схожесть рассмотренных комплексов с некоторыми сооружениями булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени не случайны. Очевидно, это отражает процесс формирования традиций погребально-поминальной обрядности кочевников во второй половине V — VI в. н.э.

Представленный опыт интерпретации «символических» захоронений требует подтверждения и конкретизации, и, вполне вероятно, с появлением новых материалов выводы будут скорректированы. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят более подробно и обоснованно рассматривать процессы сложения и эволюции традиций обрядовой практики ранне-средневековых тюрков, а также реконструировать комплекс представлений, сопровождавший сооружение рассмотренных объектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т.* Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–88.
- Бородовский А.П.* Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. С. 75–82.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грач А.Д.* Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге: (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960а. Т. I. С. 73–150.
- Грач А.Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве: (Полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960б. Т. I. С. 7–72.
- Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грязнов М.П.* О кенотафах // Проблемы археологии и этнографии. Иркутск: ИрГУ, 1982. С. 98–99.
- Дашковский П.К., Серегин Н.Н.* Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. II. С. 83–100.
- Досымбаева А.* Западный Тюркский каганат: Культурное наследие казахских степей. Алматы: Тюркское наследие, 2006. 168 с.
- Загородний А.С., Григорьев Ф.П.* Дополнительные данные о могильнике Иссык // Вопр. археологии Казахстана. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. II. С. 117–123.
- Ильинская В.А.* Скифские курганы около г. Борисполя // СА. 1966. №3. С. 152–171.
- Илюшин А.М.* Хронология и периодизация ритуальных курганов Горного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1990. С. 117–119.
- Илюшин А.М.* Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае: (Датировка и география) // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. 1995. Вып. V. Ч. 1. С. 122–125.
- Илюшин А.М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157–169.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 136–148.
- Кубарев В.Д.* Изваяние, оградка, балбалы: (О проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 24–54.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая: (По материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г.В.* Новые данные о древнетюркских оградках Алтая // Средневековая археология евразийских степей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. Т. I. С. 50–59.

«Символические» захоронения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона

Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. С. 58–63.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.

Матренин С.С., Шелепова Е.В. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. — V в. н.э.: (Булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 84–90.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. Культурные кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 94–116.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала: (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-27 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 88–94.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 144–153.

Серегин Н.Н. К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов: (По материалам тюркской культуры) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2010а. Вып. IV. С. 78–83.

Серегин Н.Н. «Околокурганые» сооружения тюркской культуры: (Систематизация и некоторые вопросы интерпретации) // Изв. АлтГУ. Сер. История, политология. 2010б. № 4/2 (68/2). С. 201–205.

Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: (По материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 206 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 115–118.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.

Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. 112 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Тюркские оградки как одна из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 2 (8). С. 75–81.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона // Вестн. археологи, антропологии и этнографии. 1999. Тюмень: ИПСО СО РАН, Вып. 2. С. 136–145.

Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–XX вв). Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 302 с.

Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Лхундэв Г., Кубарев Г.В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

Kenk R. Frühmittelalterliche Graber aus West-Tuva. München: Verlag C.H. Beck, 1982. 100 p.

Алтайский государственный университет
nikolay-seregin@mail.ru

The article presents the experience of summarizing data on «symbolic» burials with early medieval Turks from Altai-and-Sayan region. Subject to a detailed description being a tradition of making cenotaphs, specifying variants of such objects. Particular types of «symbolic» burials include «ritual» mounds which basic characteristic was making a common mound with no burial chamber underneath, as well as certain stone enclosures. The concentration of these objects during the early development stages of the Turkic culture reflects a process of developing traditions in funeral rites with nomads in the late V — VI c. B.C.

Early Middle Ages Turks, Altai-and-Sayan region, «symbolic» burials, cenotaphs, «ritual» mounds, enclosures.